

Вечером планировалось барбекю на открытом воздухе. Как только раздали задания по закупке, команды сразу разошлись каждая по своим делам.

В супермаркете Цун Цзиньюэ нашёл Чжан Хуайсюя. Сдержавшись, он нарочно смягчил голос:

— Учитель Чжан, как думаете, мне взять побольше сока или газировки?

Чжан Хуайсюй сделал вид, будто не слышит, и просто положил пучок овощей в корзину.

Цун Цзиньюэ наткнулся на холодную стену. Это было неприятно, но, помня, что вина за ним, он сдержал раздражение и пошёл следом. Потряс тяжёлым пакетом с напитками в руке и уступчиво сказал:

— Пакет тяжёлый, рука уже ноет... Поможешь немного?

Ну всё, лестницу к примирению уже подставил прямо под ноги...

Шаги Чжан Хуайсюя замедлились. Он бросил в его сторону взгляд, приподнял бровь и язвительно сказал:

— Сам же набрал столько, не жалуйся.

Иными словами: сам виноват — вот и расхлёбывай.

Цун Цзиньюэ поперхнулся от такого ответа, но всё же не сдавался:

— Всё ещё злишься? Не будь таким обидчивым...

Видя, что тот никак не реагирует, он выдохнул и сдался:

— Ладно, ладно, извини. Я виноват, что не напомнил вовремя. Прости, моя ошибка...

Решив, что конфликт исчерпан, он слегка подтолкнул его локоть пакетом.

Пах!

Послышался негромкий, но звонкий щелчок — Чжан Хуайсюй с силой отмахнул пакет.

Удар был не сильный, но улыбка Цун Цзиньюэ застыла на лице.

Что с этим человеком вообще не так?..

— Да? Смотрю, ты всё правильно сделал, чего же вдруг снизошёл до извинений? — холодно бросил Чжан Хуайсюй.

Всего лишь из-за перепутанного инструмента? Да нет — просто этот человек даже не считает себя неправым. Самоуверенный до крайности, он думает, будто мир должен вращаться вокруг него, и что одна пустая фраза «прости» заставит других благодарно кланяться.

Чжан Хуайсюй даже смотреть на него лишний раз не хотел. Бросил холодно:

— Держись от меня подальше.

И, не оборачиваясь, ушёл, оставив Цун Цзиньюэ одного между полками.

Цун Цзиньюэ раздражённо дёрнул веком. Глядя на удаляющуюся спину, он зло прикусил язык и, не выдержав, прошипел сквозь зубы грязное слово.

Который уже раз?!

В тот миг ему до одури захотелось всё бросить — или прямо пригрозить съёмочной группе, что если его ещё раз поставят в пару с Чжан Хуайсюем, он тут же снимется с проекта!

Хотел пойти на примирение? Ради чего вообще?..

Он тяжело выдохнул. Когда снова поднял глаза, в них остались лишь раздражение и усталость. Бросив взгляд на следящих операторов, Цун Цзиньюэ без выражения поднял пакеты и пошёл обратно.

На заднем дворе виллы. Закатное солнце и жар от мангала окрашивали всё вокруг в алый цвет. На решётке шипело мясо, запах стоял густой и аппетитный.

Участники съёмок сидели вокруг, болтая и смеясь, наслаждаясь едой.

Только Цун Цзиньюэ и Чжан Хуайсюй, сидевшие рядом, с момента возвращения не обменялись ни словом.

Продюсеры, видимо, решили, что без драмы скучно, и выкатили ящики с «наградами» и «наказаниями», объявив, что пора исполнять результаты дневных конкурсов.

Сун Юфэй и Е Цинлань, занявшие первое место, вытянули счастливые карты — «Морской обед» на завтра и «Смена партнёра». Второе место получило «Карту наказания». Правила были просты: каждая карта действует индивидуально.

Когда настало время для последнего места, ящик пододвинули к Чжан Хуайсюю и Цун Цзиньюэ.

Цун не стал тянуть с церемониями — сунул руку в ящик, наугад вытащил карточку и развернул.

На ней крупно значилось:

«Партнёры по наказанию: кормление вином. Один держит бокал ртом, другой принимает вино губами, пока всё не будет выпито.»

Оба синхронно скривились.

Чжан Хуайсюй, не скрывая ехидства, произнёс:

— Учитель Цун, везёт вам. Наверное, всё из-за вашей добродетели, да? Говорят, вы так любите выкупать у брендов те дорогие костюмы, что ломаете на съёмках.

Цун Цзиньюэ онемел. Да уж, вспомнил именно то, о чём лучше бы молчать.

Бренды звали его «мужчина, которого любят и ненавидят».

Когда-то на церемонии «Ночь Вэйбо» внимательные зрители заметили, что он повредил дизайнерский костюм. Потом выяснилось — не в первый раз. Каждый раз, когда бренд одалживал ему наряд, тот возвращался с дефектами: то порвалось, то зацепилось, то

запахалось так, что не отмыть. В итоге ему приходилось выкупать вещь за свой счёт.

Неприятно, конечно. На посиделках он и сам мог посмеяться над этим, но услышать такое из уст Чжан Хуайсюя — было мерзко.

Он прищурился, провёл языком по сухим губам и промолчал.

Когда этот человек решает быть язвительным — лучше держаться подальше.

Организаторы, проклиная судьбу, приготовили два маленьких бокала вина.

— Кто из вас будет держать бокал? — спросили они с натянутыми улыбками.

— Я, — коротко бросил Цун Цзиньюэ и, раздражённо выхватив бокал, сжал его зубами за край.

Белые зубы блеснули, когда он поднёс бокал ближе к Чжан Хуайсюю.

Тот, глядя на близкое лицо и стекло, ощутил волну отвращения. Сдержавшись, чуть приоткрыл рот и неловко наклонился навстречу.

Цун, видя его мученическое выражение, только сильнее закипал. Хотел поскорее закончить. Он аккуратно наклонил бокал, стараясь, чтобы вино текло ровно.

Он наклонился ближе — губы Чжан Хуайсюя были тонкие, чуть влажные... и вдруг в голове вспыхнули все обиды за день. В тот миг он потерял концентрацию. Рука дрогнула — и вино полилось потоком.

— Кх!.. Пф-ф... кх-кх-кх!! — закашлялся Чжан Хуайсюй.

Жидкость обожгла горло и попала в нос — жгучее ощущение, будто обожгло изнутри.

Он захлебнулся, отпрянул, и красное вино потекло по подбородку и впиталось в рубашку, оставив тёмное пятно. Он кашлял до слёз, лицо пылало от боли и унижения.

Все вокруг ахнули.

Цун Цзиньюэ тоже опешил, поспешно выплюнул бокал и шагнул вперёд:

— Я...

Но Чжан Хуайсюй уже вытер рот тыльной стороной ладони. В покрасневших, слезящихся глазах плескались лишь гнев и оскорбление. Не дав договорить, он резко толкнул Цуна:

— Не трогай меня!

Тот не успел удержаться и грохнулся на землю. Все вокруг замерли.

Чжан Хуайсюй, всё ещё задыхаясь, прижал руку к груди и сипло выкрикнул:

— Ты нарочно сделал, да?!

Цун встретился с ним взглядом и понял — бесполезно.

Объясняй, не объясняй — всё одно. В глазах Чжан Хуайсюя он уже давно записан как вспыльчивый, злопамятный и мелочный тип.

И это никогда не изменится.

Накатившая волна бессилия и презрения к себе осушила всё внутри. Он опустил глаза, безразлично отряхнул одежду и поднялся.

— Прости, учитель Чжан, — с кривой усмешкой сказал он. — Ты же знаешь, я часто делаю всё... невпопад.

— Ты!.. — Чжан Хуайсюй вскипел, шагнул вперёд и схватил его за воротник. Пальцы побелели от напряжения, мышцы рук вздулись, кулак был готов сорваться в лицо противнику.

Цун посмотрел на этот кулак и язвительно произнёс:

— Что, ударить хочешь? Прямо здесь?

Руки Чжан Хуайсюй задрожали от злости. Сбитые губы покраснели, по шее стекала тонкая полоска вина.

Да, он действительно ничего не мог с ним сделать. От этой мысли в висках заиграла жилка.

Остальные участники замерли. Даже режиссёр, стоявший за камерой, не прекратил съёмку.

Наконец, здравый смысл перевесил. Чжан Хуайсюй тяжело выдохнул, взгляд стал ледяным. Он медленно отпустил ворот и с отвращением отряхнул руку:

— Столько лет в профессии — а ничему не научился.

Ни вежливости, ни умения сдерживаться перед тем, кого ненавидишь.

Если бы Цун знал, что тот подумал, наверняка усмехнулся бы:

Ты сам-то лучше?

Он пошатнулся, выровнялся, аккуратно поправил перекошенный ворот, и с лица постепенно сползла улыбка.

Не ответив, он просто сел обратно на своё место.

Позже Чжан Хуайсюй переоделся и вернулся. Снаружи всё снова выглядело спокойно.

— Учитель Чжан, передайте, пожалуйста, овощи... и тмин рядом с вами, — попыталась разрядить обстановку Е Цинлань.

— Хорошо, — спокойно кивнул он, протягивая ей шампуры и баночку приправ.

Сун Юфэй с аппетитом откусил сочный кусок мяса и воскликнул:

— Как же это вредно и как же невозможно остановиться! — и тут же ловко вставил рекламную реплику спонсора.

Разговор плавно перешёл на тему питания.

— Я нормально ем, даже слежу за здоровьем, — рассмеялась Е Цинлань.

— А вы, учитель Чжан? Судя по чистой тарелке, вы, наверное, только здоровую еду

предпочитаете?

Чжан Хуайсюй положил шампур и спокойно ответил:

— Если резко начать есть жирное, желудок может не выдержать.

Да и аппетита особого нет.

Он терпеливо рассказал о своей диете, как она помогает поддерживать метаболизм.

— После сегодняшнего вечера, — добавил он, — я, пожалуй, несколько дней вообще не притронусь к жирному.

— Неудивительно, что вы так хорошо выглядите — и фигура, и кожа! — поддержали его.

Цун Цзиньюэ в это время сидел молча, подперев подбородок рукой, рассеянно жуял шампур с говядиной.

Чтобы разрядить атмосферу, Е Цинлань вдруг спросила:

— А ты, Юэ-ге?

Он медленно поднял взгляд, лениво скользнул им по всем и на секунду задержал на Чжан Хуайсюе.

Улыбнулся ярко, но от улыбки веяло холодом:

— Конечно. Учитель Чжан ведь образец для всей индустрии. Каждое его слово — золотое. Нам всем стоит слушать и учиться.

Отличный наставник, что и говорить.

Ядовитая вежливость повисла в воздухе.

Чжан Хуайсюй нахмурился, посмотрел на него, но ничего не ответил. Остальные поспешно сменили тему.

<http://bllate.org/book/12072/1079680>